

Сидя в одном из последних рядов эстрадного летнего театра, я замирал от восхищения. Откуда взялась эта гордая стать! Краски яркие, линии резки, какая-то дивная отвага, вся — неуступчивость, независимость, вся — уверенность в своей власти над нами... Вот это и зовется талантом.

Я понимал, что сокрушен. И в память школьника будто впечаталась первая встреча с Марией Мироновой. О, недаром! Готов присягнуть: мне не пришлось увидеть еще раз женщину столь же обворожительную. Уже потом, годы спустя, я узнавал, что схожие чувства рождались не у меня одного. И были люди не мне чета — меж ними и Немирович-Данченко. Мария Миронова начинала как драматическая актриса.

И вдруг — переменяла судьбу, решительно ушла на эстраду — сумела услышать голос призвания. Скорее всего, этой натуре требовался ничем не стесненный, свободный простор открытой арены — было место, где выплеснуть все, что созрело, свою наблюдательность, зоркость, резкость.

Это было ответственное решение — Мария Миронова вступила в почти заповедную область сатиры: общество буквально сочилось самоуважением и самодовольством, его переполняло сознание своего безусловного превосходства над прочим неполноценным миром.

Но я не уверен, что дар Мироновой можно назвать лишь сатирическим. Точность не означала злости — на дне насмешки таилось сочувствие. Оттого-то ей ближе всех был Зоценко, который по-прежнему защищал того самого маленького человека, ставшего для его коллег предметом дозволенного презрения. В своей «Последней неприятности» Зоценко печально вздохнул: «...умер один человек, один небольшой работник, индивидуально незаметный в блеске наших дней».

«Блеск наших дней» заставлял радостно жмуриться, упоенно не замечать ни казенной фразеологии, ни казенного оптимизма, ни даже того, что «индивидуально незаметный» маленький человек сплошь и рядом умирает не своей смертью, не в своей постели.

Миронова слепотой не страдала. Даже если поверить ее рецензентам, что она всегда раздвигала пошлость, нужно сначала договориться, что понимать под этим словом. Никак не стремление к частной жизни, не забота о родимом скворечнике. В глазах Мироновой все ее героини, начиная от «некой Капы», были прежде всего злополучными, обделенными существами. В их неуклюжем самоутверждении трогательного больше, чем пошлого. Все они — пусть смешно и жалко — мечтали схватить хотя бы за перышко недостижимую синюю птаху, все они — пусть

О МАРИИ МИРОНОВОЙ, АРТИСТКЕ ЭСТРАДЫ

смешно и жалко — хотели напомнить, что и они должны быть любимы и уважаемы.

Для Мироновой пошлость — это претензия, агрессивная злобная непогрешимость, непобедимый апломб невежд. Все эти свойства, как сказано выше, относились не только и не столько к отдельным лицам, сколько к менталитету.

Поэтому для официоза Миронова с Александром Менакером так никогда и не стали «своими».

Ну что ж? Начальственное небрежение, которое для жрецов искусства, прошедших отечественную дрессуру, становилось настоящей трагедией, не отравляло жизнь Мироновой. Ее обогрели достоинство и зрительская любовь.

По всем статьям — счастливая женщина. Все было при ней — божий дар, красота, муж-рыцарь, друг, святой человек, и сын — неповторимый Андрей, словно воплотивший мечту самой честолюбивой матери.

В самом деле, чрезмерное счастье! — жизнь потребовала расплаты. Ушел, угас Александр Семенович, ушел Андрей — нелепо, неожиданно. Точно раздался над стылой землей весенний звон, позвал, обладежил и тут же оборвался, исчез. Миронова осталась одна.

Она прошла вместе с этим веком по всем его роковым дорогам, она познала его безумие, его трагедию, его фарс, с ним вместе вступила в странный сезон горячки, лихорадки, истерики, когда вокруг от зари до зари клубятся речи, гремят призывы, когда толпой пошли на подмошки. Мастер эстрады, Мария Миронова ее оставляет.

Нынче ей вновь предстоит испытание, день юбилея — нелегкий день, хочешь не хочешь, надо оглядываться, надо итожить и после праздника вновь возвращаться в пустое гнездо. А там уже — не гул голосов, не шум и смех — сильнее всего в жизни ее звучит тишина. Не уединение — прихоть юных, а одиночество — участь тех, кто пережил друзей и любимых. Не всякий выдержит этот климат стужи и вечной мерзлоты. Что ж ей опорой? То же, что прежде — ее достоинство и независимость.

И, думая о Марии Мироновой, я вновь, как школьник, полвека назад, испытываю знакомое чувство — тот же восторг и восхищение.